

Ци Минь пробыл в застенках меньше суток, прежде чем его выпустили на свободу целым и невредимым.

У императора, который с детства недолюбливал этого старого педанта, даже проснулось некое подобие угрызений совести. Вызволив министра из темницы, он оставил его во дворце, сказал несколько утешительных слов и лишь после этого позволил вернуться домой.

Когда Ци Минь подъехал к своему поместью, на улицах уже зажглись праздничные фонари. Все члены его семьи были освобождены и теперь толпились у ворот, ожидая его возвращения. Несколько близких друзей также дежурили у дома. Увидев, как Ци Минь выходит из экипажа, они гурьбой бросились навстречу с поздравлениями.

Чудесное спасение от верной смерти — событие радостное, поэтому Ци Минь, обменявшись со всеми приветствиями, пригласил гостей в дом, настояв, чтобы те разделили с ним скромную трапезу. Чиновники, разумеется, не стали отказываться.

Стол накрыли в честь избавления от беды. Ци Минь всегда жил скромно, да и недавний обыск показал, что лишних денег в доме не водится. Пиршество вышло простым, но собравшиеся были его закадычными друзьями и прекрасно знали характер хозяина.

За закрытыми дверями чиновники пили и ели, и по мере того как хмель ударял в голову, разговоры становились всё более откровенными.

— Только сегодня в тронном зале я осознал, насколько же черствы и холодны люди, — произнес один из гостей, покачивая кубком с вином и уже изрядно захмелев.

За столом мгновенно воцарилась тишина.

Чиновник продолжал сам с собой:

— Господин Ци вырастил целое поколение ученых мужей. Среди его знакомых — сплошь образованные люди, читавшие каноны мудрецов. Но сегодня те, кто его подставлял, кто подливал масла в огонь, кто спешил отречься от него в миг нужды... все они оказались его собственными учениками, которых он бережно продвигал по службе!

Хотя Ци Минь ни дня не проработал учителем в школе, книжники всегда чтили традиции. Чтобы стать чиновником, любой студент должен был пройти экзамены, и те, кто достигал успеха, обязаны были помнить о «благодати признания» со стороны экзаменаторов и величать их своими наставниками. За свою жизнь Ци Минь возглавлял экзаменационные комиссии бесчисленное количество раз.

При этих словах в комнате стало так тихо, что было слышно дыхание присутствующих. Спустя мгновение другой чиновник осушил свой кубок и с глухим стуком поставил его на стол.

— Дуньтинь... Кто бы мог подумать, что на такое способен Дуньтинь!

Все присутствующие знали, что Чжао Дуньтинь проявлял к Ци Миню почти сыновнюю почтительность. Когда-то он был беден как церковная мышь. Продав родовое поместье и земли, он отправился в столицу на экзамены, но по дороге его ограбили разбойники. Он явился в город без гроша в кармане. Именно тогда Ци Минь случайно встретил его и помог деньгами, позволив обосноваться в столице и сдать экзамены. С тех пор Чжао Дуньтинь из года в год неустанно платил учителю благодарностью, что видели все.

От этих слов лица гостей стали еще мрачнее. Ци Минь долго молчал, затем взял палочки и невозмутимо отправил в рот немного еды.

— Я не учил его ни дня. То, что он сдал экзамены и стал служить государству — его собственная заслуга и удача, — сухо произнес он. — Я не считаю себя его учителем, а он не считает это предательством.

Собравшиеся лишь тяжело вздохнули.

— Сегодняшнее происшествие стало для вас, господин Ци, благом, — заговорил кто-то другой.
— Вы увидели истинную суть людей. Считайте это удачей, пришедшей через беду.

Сидевший рядом чиновник одобрительно кивнул:

— И то верно. Взять хотя бы Чжан Яня, вашего подчиненного. Тот самый, что яростнее всех требовал от императора обыскать ваших близких. Оказалось, он человек с двойным дном.

Остальные согласно закивали, но тут Ци Минь отложил палочки.

— Это не так, — отрезал он.

— Что вы имеете в виду, господин Ци? — удивились гости.

Старец посмотрел на кубки на столе и медленно произнес:

— Сегодня он лишь делал вид, что толкает падающего в пропасть. Но он не забыл впутать в это дело Чжао Дуньтиня. Если бы не он, я бы уже лишился головы. Своим поступком он дал понять, что знал обо всем заранее. Он вышел вперед, чтобы спасти меня.

За столом снова повисло молчание.

— Одно непонятно: как он узнал и кто стоит за его спиной?

В этот момент один из чиновников негромко заговорил:

— Господин Ци, я в некотором роде дружен с Чжан Янем. Несколько дней назад, будучи во хмелю, он обмолвился... Сказал, что должен исполнить одно поручение для Его Высочества принца Цзина. Сказал, что не знает, выживет ли, но обязан это сделать.

Когда зажглись вечерние огни, обыск в доме Чжао Дуньтиня был почти завершен. Стражники разошлись, домочадцев Чжао кого схватили, кого разогнали. Тяжелые ворота медленно закрылись, и на них наклеили казенные печати. Оживленное прежде поместье погрузилось во мрак и тишину.

В ту же секунду по карнизам промелькнуло несколько теней. Стремительные, словно ночные совы, они перемахнули через стену и в мгновение ока растворились во тьме. Это были последние из смертников-лазутчиков Сюй Ду, прикрывавшие отход группы.

Тени пронеслись по крышам и нырнули в темный переулок. Через четверть часа в закоулке уже никого не было. Люди в ночных одеждах исчезли, и лишь несколько неприметных слуг в грубом платье, неся в руках корзины с покупками, неспешно вошли в ворота поместья принца Цзина.

Никто не заметил, что рядом с тем переулком, где они скрылись, был глухой тупик. Если свернуть туда и пройти вглубь, в нос ударял резкий запах крови. Там, в тишине, затаились несколько человек, а у их ног высилась гора из дюжины трупов. Эти смерти были делом их рук.

Раздались едва слышные шаги.

— Ушли, — негромко произнес человек, остановившись перед телами.

Тени, затаившиеся на стенах подобно ядовитым змеям, ожили. Один из них спрыгнул вниз, сорвал маску и небрежно пнул труп.

— Наконец-то закончили, — бросил он. — А убийцы старого пса Пана оказались не промах.

Человек, стоявший на стреме, тоже снял маску. Это был Вэй Кай.

— Придется вам, братья, потрудиться и вычистить здесь всё, — сказал он, глядя на трупы. — Чтобы ни следа не осталось.

— Не извольте беспокоиться, командир Вэй, — ответил один из бойцов. — Мы всё сделаем в лучшем виде.

Люди принялись за работу в темноте. Тот, что заговорил первым, не унимался:

— Не пойму, о чем думает генерал. Я-то думал, дело серьезное, раз самого командира Вэя вызвали.

Другой усмехнулся: — И не говори. Шум такой подняли, я уже руки потирал, думал, будем генерала из поместья принца вызволять.

— Ага, — подхватил третий. — А оказалось — охранять каких-то лазутчиков из тени. Командир Вэй, чьи это смертники такие важные, что за ними такой присмотр нужен?

Вэй Кай мрачно оборвал их:

— Меньше болтайте, больше делайте.

Бойцы хмыкнули и замолчали, споро продолжая работу. Вэй Кай стоял поодаль, крепко нахмурившись. Не только его люди были в недоумении — он и сам не понимал мотивов генерала.

То, что принц Цзин решил пойти против Пан Шао — это он знал. О планах принца он тоже слышал краем уха. И генерал велел ему заранее всё подготовить, затаиться в засаде и обеспечить отход лазутчиков Цзян Суйчжоу.

Хотя генерал, как всегда, зрел в корень — люди Пана действительно явились на разведку и были перебиты — Вэй Кай не понимал, к чему такие сложности. Было ли это сделано ради уничтожения слуг Пан Шао или же эти лазутчики из поместья принца действительно обладали какой-то особой ценностью?

Два кувшина вина, что принес Цзян Суйчжоу, были из старых запасов поместья. Прежний владелец, казалось, любил коллекционировать редкие напитки, хоть сам почти не пил. В погребах хранилось немало драгоценного вина, привезенного еще из Ечэна.

Цзян Суйчжоу и представить не мог, что северное вино древности окажется настолько крепким. Когда он вошел в комнату Хо Уцзю, тот как раз закончил ужинать.

Увидев генерала на ложе, Цзян Суйчжоу вспомнил о его ранах и спохватился:

— Ты ведь принимаешь лекарства, разве тебе можно пить?

Хо Уцзю поднял глаза и, завидев кувшины, спросил:

— Получилось?

Цзян Суйчжоу понял, о чем тот спрашивает.

Он жестом велел слугам удалиться и с улыбкой ответил:

— Да. Всё прошло в точности по плану.

Взгляд Хо Уцзю замер на его улыбке и долго не сдвигался с места. Цзян Суйчжоу поставил вино на стол и сел рядом.

— Хотел отпраздновать с тобой, да забыл, что ты еще не оправился. Наверное, не стоит. Вино — не главное, можно и без него обойтись.

— Отпраздновать со мной? — переспросил Хо Уцзю.

Цзян Суйчжоу кивнул.

— В конце концов, Пан Шао — твой враг. То, что он потерпел неудачу, должно быть тебе в радость.

Слова звучали чинно и официально, что при мягком свете ламп казалось не совсем уместным. Цзян Суйчжоу помедлил, положил подбородок на тыльную сторону ладони, опираясь на кувшин, и искренне улыбнулся Хо Уцзю.

— Да и не с кем больше. О деле знают немногие. Гу Чанцзюнь — человек ненадежный, Сюй Ду еще занят по горло. Если я не отпраздную это с тобой, я просто лопну от нетерпения!

Сейчас он был совершенно расслаблен. Маска принца-аристократа сползла, обнажив его истинную натуру — спокойную и мягкую.

Хо Уцзю молчал, но действовал решительно. Ловко подтянув инвалидное кресло и опираясь на руки, он пересел в него и подъехал к столу, оказавшись прямо напротив Цзян Суйчжоу. Не говоря ни слова, он распечатал кувшин.

По комнате мгновенно разлился густой, дурманящий аромат вина.

Цзян Суйчжоу оторопел и потянулся к его руке:

— Тебе точно можно? Если нельзя — не надо, не порть лечение...

Хо Уцзю вскинул голову. Его темные глаза в свете огня сияли необычайно ярко.

— Вино уже здесь. Будем пить или нет?

Цзян Суйчжоу показалось, что в глубине этого взгляда плещется смех. Неуловимый, едва заметный, но яркий, словно блик солнца на острие копья. Ослепленный этим блеском, он невольно отдернул руку, позволяя Хо Уцзю привычным жестом поднять тяжелый кувшин и до краев наполнить две чаши.

Точнее, это были не чаши, а полноценные глубокие пиалы. Когда Хо Уцзю поставил одну перед ним, Цзян Суйчжоу окончательно растерялся. Вино в пиале было кристально чистым, а аромат — настолько крепким, что один лишь запах кружил голову. Пиала была немаленькой, блики огня дрожали на поверхности жидкости, и Цзян Суйчжоу стало не по себе. Даже в своем времени он никогда не видел, чтобы крепкий алкоголь глушили такими объемами.

Он недоверчиво посмотрел на пиалу, затем на Хо Уцзю:

— Пить... прямо из этого?

Хо Уцзю искренне удивился:

— А из чего еще?

Лишь через секунду он вспомнил, что столичные неженки не привыкли пить из такой посуды. Это у них на границе вечно не хватало утвари, поэтому из чего ели мясо, из того и пили вино. На мгновение ему стало досадно — показалось, что он выставил себя неотёсанным мужланом.

— Забыл, — бросил он. — Пойду велю принести кубки.

Он уже взялся за колеса кресла, но Цзян Суйчжоу остановил его взглядом.

В глазах принца Цзина вспыхнула гордость — он не хотел казаться слабаком. Сжав зубы, он произнес:

— Не надо. Сегодня Пан Шао потерпел сокрушительное поражение, это стоит того, чтобы пить пиалами.

Хо Уцзю наблюдал, как тот берет чашу. Он вспомнил, как принц вернулся пьяным в прошлый раз: от него пахло сладким ликером, который и за алкоголь-то считать нельзя. Видимо, пить принц совсем не умел. Он хотел было его остановить, но промолчал, заглотив слова обратно. Он вспомнил, как в прошлый раз этот человек не удержался на ногах и упал прямо ему в объятия.

В его памяти до сих пор жил тот аромат цветов коричневого дерева, заполнивший всё вокруг.